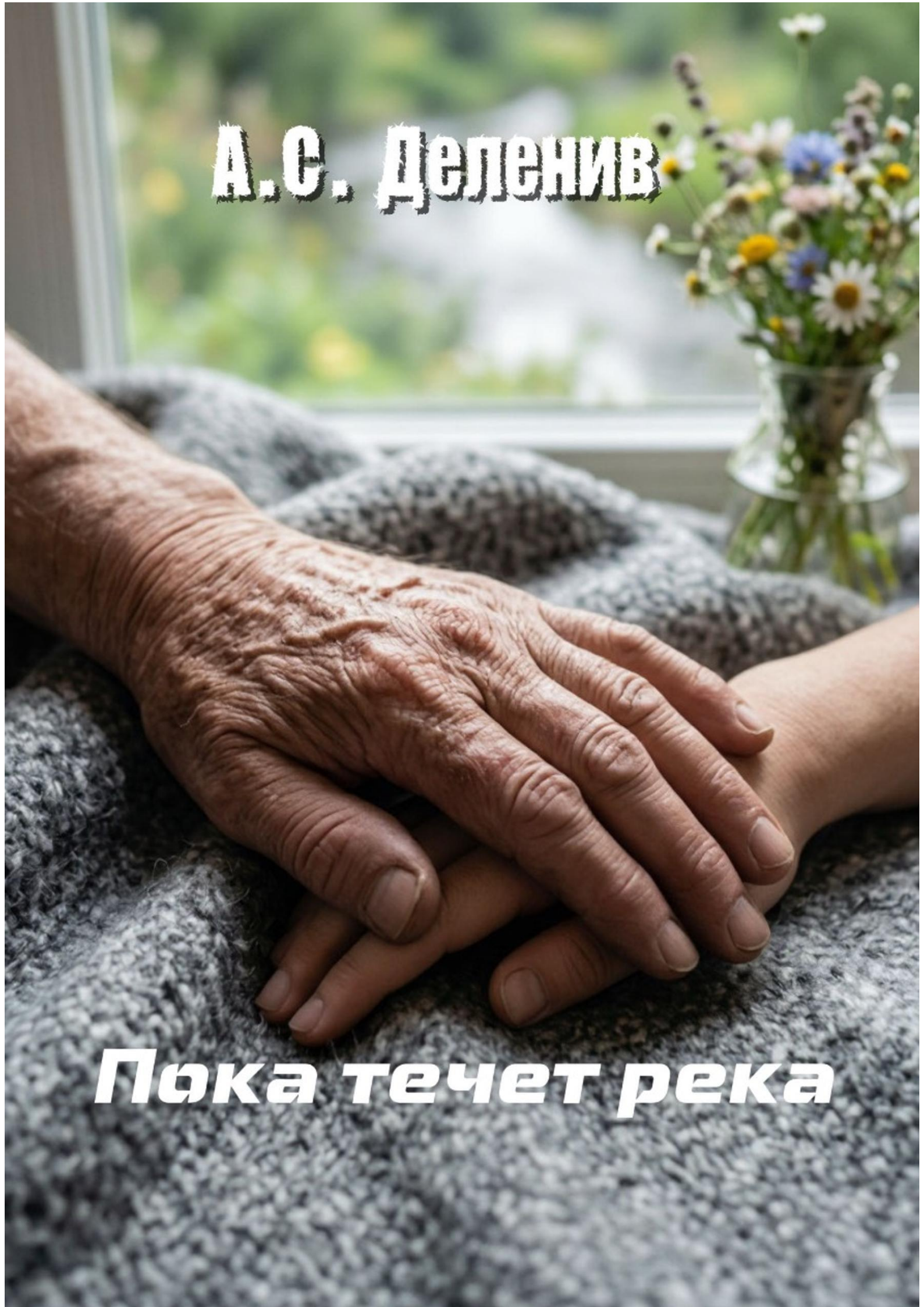

А.С. Деленив

Пока течет река

Александра Деленив

Пока течет река

«Автор»

2026

Деленив А.

Пока течет река / А. Деленив — «Автор», 2026

Девяносточетырехлетняя Лукерья доживает свой век в опустевшей деревне. Единственный человек, кто о ней заботится, — Татьяна, соцработник с судимостью за убийство мужа-тирана. Вся деревня презирает «убивицу», а тайный любовник при свете дня поливает ее грязью. Две женщины-изгоя, у каждой за плечами искалеченная любовь и несбывшееся ожидание, становятся друг для друга последней опорой. Это история о том, как перед лицом смерти обнажается правда, а неродные люди вдруг оказываются самыми близкими.

© Деленив А., 2026

© Автор, 2026

Александра Деленив

Пока течет река

Деленив А.С.

ПОВЕСТЬ

Пока течет река

Часть первая: Тени в углах

Дом дышал. Не скрипел, не стонал, а именно дышал — старыми бревнами, впитавшими за девяносто с лишним лет столько жизней, что они стали почти живыми. Лукерья лежала на высокой железной кровати и смотрела в потолок. По побелке, пожелтевшей, как старая газета, ползла трещина. Она напоминала русло реки, той самой, что текла за огородами. Лукерья знала каждый изгиб этой трещины, как знала каждый изгиб своей реки.

За окном майское солнце плавил последнее, ноздреватый снег в тени забора. Девяносто четыре года. Тело — ветхое платье, из которого ты давно вырос, но снять не можешь. Ноги уже не ходили. Год назад она еще ковыляла к калитке, опираясь на палку, глядела на дорогу. Зачем? А вдруг. Вдруг по пыльной колее, петляющей мимо покосившихся изб, приедет он? Не Паша, нет. Паша — это вечная, тупая боль в сердце, застарелая мозоль. Она ждала Диму. Того мальчика, что таял на глазах в этой самой комнате тридцать лет назад.

Тогда в дверь постучали. Не в косяк, а так, для порядка поскреблись в дверное полотно. — Лукерья Степановна, вы не спите? Я зайду.

Голос у Татьяны был глуховатый, с хрипотцой, как у человека, который много курит или много молчит. Скорее второе. Татьяна возникла на пороге горницы — крупная женщина лет пятидесяти, с тяжелыми, натруженными руками и лицом, на котором время и судьба оставили следы поглубже возрастных морщин. Уголок губы дергался в нервном тике, глаза смотрели исподлобья, но не зло, а настороженно, как у пса, которого часто били.

— Доброе утро, — прошелестела Лукерья. — Помогите мне сесть, Танюш. Спина затекла, мочи нет.

Татьяна подошла, и кровать жалобно скрипнула под напором двух тел — одного почти невесомого, другого — полного силы, но словно придавленного к земле невидимой плитой. От сожработника пахло дешевым мылом и табаком. Ловкими, привычными движениями она взбила подушки, приподняла старуху, поправила сбившуюся простыню.

— Вы сегодня какая-то бледная, Лукерья Степановна. Кашу будете? Гречневую сварила, с молочком, как вы любите.

— Буду, — кивнула Лукерья. — Только ты окошко открой. Пусть рекой пахнет.

Татьяна распахнула створки, и в комнату ворвался сырой, пьянящий запах талой воды и пробуждающейся земли.

— Черемуха скоро зацветет, — тихо сказала она, выглядывая в сад. — Холода еще будут. Черемуховые.

Деревня презирала Татьяну. Лукерья знала это, хоть Татьяна никогда не жаловалась. Знала по обрывкам фраз, долетавших в открытое окно, по тому, как шарахались от Татьяны на единственной улице бабы, как демонстративно отворачивался фельдшер в медпункте. "Мужняя убивица", — уронила как-то продавщица Рая, ханжески поджав губы. Муж ее бил смертным боем, об этом в деревне знали все и молчали. А когда Татьяна, защищаясь, ударила его

сковородой, и он, пьяный, неудачно упал, ударившись виском об угол печи, — молчание сменилось единодушным осуждением. Срок она отсидела, вернулась в свой же дом, потому что идти было некуда. И стала изгоем.

Лукерье было все равно. Она видела руки Татьяны. Эти руки не могли быть руками убийцы, только руками защитницы. Они умели осторожно менять мокрые простыни, варить жидкую кашу, растирать затекшие стариковские ноги. Они были теплыми.

— Танюш, — позвала Лукерья, когда каша была съедена и посуда убрана. — Посиди со мной. Расскажи что-нибудь.

Татьяна присела на краешек стула, вытянув ноги в стоптанных кроссовках.

— Что рассказывать-то? Всё одно и то же. Огород вскопала, картошку скоро сажать. Николай обещал трактор дать, чтобы вспахать...

Она запнулась, и тик у рта усилился.

— Какой Николай? — Лукерья напрягла память. — Это Петровича сын? У него же жена, дети.

— Да, — Татьяна опустила голову, разглядывая свои руки, сложенные на коленях. — Жена.

В комнате повисло молчание, наполненное гудением мухи, бьющейся о стекло.

— Он ко мне ходит, — вдруг тихо, с какой-то отчаянной гордостью сказала Татьяна. — Когда стемнеет. Придет, сядет вон там, в углу. Говорит, что любит. Что жена ему как кость поперек горла. Что я... особенная.

— А днем? — сухо спросила Лукерья.

— Днем? — горькая усмешка скривила губы Татьяны. — Днем, если встретит при людях, может так облаять, что хоть сквозь землю провались. Это чтобы никто не подумал ничего. Кричит, что я отсидевшая, что таким, как я, руки подавать нельзя. А Фроська-почтальонша поддакивает и смеется.

Лукерья закрыла глаза. Перед ее внутренним взором встал не Николай, а Паша. Военный, статный, с золотыми шевронами и честными голубыми глазами. Он тоже говорил ей о любви. О том, что уйдет от жены Наташи, что не может без нее, Луши, дышать. Что мальчики его, Дима с Семеном, уже большие, поймут. Дом им оставит, денег даст, а сам переедет к ней. В этот самый дом. Она ждала его всю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.